

В моей книге «Ф. М. Достоевский. Указатель произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем на русском языке, 1844—2004 гг.» перечислены практически все работы Р. Г. Назирова. Многие из них я знал, например, «Диккенс, Бодлер, Достоевский. К истории одного литературного мотива», «Трагедийное начало в романе Достоевского “Униженные и оскорбленные”», «Герои романа “Идиот” и их прототипы», «Петр Верховенский как эстет», «Об этической проблематике повести “Записки из подполья”» и целый ряд других прекрасных работ Назирова о Достоевском, свидетельствующих о том, что их автор замечательный литературовед.

Но с Назириным я никогда не встречался. И вдруг И. Волгин проводит в 2001 году первую трехдневную конференцию достоевистов в Москве, в гостинице «Россия»^{1*}, и я встречаюсь с Назириным.

Не помню, кто к кому первый подошел. Кажется, я. Оказалось, что Назиринов прекрасно знает и мои работы о Достоевском. Особенно его потряс мой двухтомный Энциклопедический словарь «Ф. М. Достоевский и его окружение».

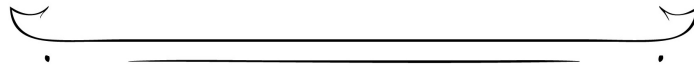
Мы как-то незаметно сблизились, тем более, что мы на многие вещи смотрели одинаково. Так мы оба с Назириным считали, что при Ельцине было порядка меньше, но больше свободы (напомню, что это был декабрь 2001 года), мы приветствовали введение Ельциным капитализма в России, хотя сделано это было не так, как надо (погибли все наши сбережения), одобряли попытки Ельцина потеснить КПСС и КГБ.

Мы с Назириным сидели в кафе гостиницы «Россия», пили водку (в меру, конечно) и провели вместе часа три.

Помню, что Назиринов страшно не любил священников, не Бога, а именно священников. Он говорил, что если раньше Достоевского считали чуть ли не атеистом, то теперь делают его иконой, все научные конференции по Достоевскому открывают священники. Конечно, Достоевский был верующий человек, говорил Назиринов, но ведь забывают слова Достоевского: «Через большое горнило сомнений моя осанна прошла».

Назиринов считал, что за последние десять лет, когда уже стали свободно говорить о Боге, произошел уже явный перекоc в сторону изучения христианства Достоевского, хотя это можно и понять: в России был семидесятилетний запрет на эту тему.

¹ * С. В. Белов имеет в виду Международный симпозиум «Достоевский в современном мире. 1821—2001» (17—20 декабря 2001, Москва). Прим. ред.

Все три часа, пока мы беседовали с Назировым, я задавал ему шесть вопросов по Достоевскому, которые уже давно задавал известным деятелям русской и зарубежной культуры (см. мою книгу «Полвека с Достоевским. Воспоминания». СПб., 2007. С. 74—81).

Вот какие это были вопросы: 1. Когда Вы впервые познакомились с Достоевским? Какое это было произведение и сколько Вам было тогда лет? 2. Какое влияние оказал на Вас Достоевский? 3. Какое произведение Достоевского Вы считаете наиболее выдающимся? 4. Какой герой Достоевского Вам ближе всего? 5. В чем, на Ваш взгляд, значение Достоевского для современности? 6. Назовите трех самых выдающихся писателей за всю историю человечества.

Вот что ответил мне Назиров: 1. Мне было восемь лет, когда я впервые познакомился с Достоевским: прочел «Мальчик у Христа на ёлке». 2. Достоевский научил меня состраданию и милосердию ко всем униженным и оскорбленным. 3. Роман «Бесы» считаю наиболее выдающимся. 4. Мне ближе всего Степан Трофимович Верховенский. 5. Достоевский предсказывал и осуждал политическую тиранию двадцатого века, будь то коммунизм или фашизм. 6. Шекспир, Сервантес, Достоевский.

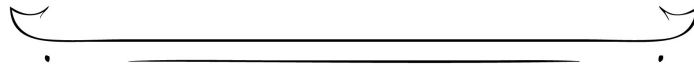
Мы долго с Назировым обсуждали роман «Бесы» и не только потому, что это был его любимый роман, а прежде всего потому, что отсутствие свободы — вот главное, что роднило бесов с тоталитарными государствами двадцатого века.

Мы говорили и о российских достоевистах. У Назирова было несколько скептическое отношение к Г. Фридендеру за его марксистско-ленинское мировоззрение, хотя он и признавал его величайшей заслугой издание академического полного собрания сочинений Достоевского в тридцати томах. Очень уважал Назиров И. Волгина, считал талантливыми его книги, но никак не мог принять его утверждение в монографии «Последний год Достоевского» о том, что во второй, ненаписанной книге «Братья Карамазовы» Алеша Карамазов должен был стать революционером и цареубийцей.

После этой нашей встречи и разговора с Назировым в гостинице «Россия» я хотел начать с ним переписываться, но жена моя заболела раком. Несколько лет я не отходил от нее, а когда она умерла, оказалось, что и Назиров умер.

Пусть земля Назирову будет пухом! Он был замечательным литературоведом и выдающимся исследователем творчества Федора Михайловича Достоевского.

От редакции

С. В. Белов — ведущий научный сотрудник Российской национальной библиотеки, один из ныне здравствующих достоевсковедов назировского поколения. Автор ряда научных трудов, пособий и библиографических справочников. Важнейший из этих справочников упомянут в начале заметки^{*}. Назировские труды там действительно присутствуют почти полностью^{**}

Словарь, упомянутый мемуаристом^{***}, в библиотеке Назирова не обнаружен, что не отменяет, разумеется, сказанного Беловым.

* Ф. М. Достоевский. Указатель произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем на русском языке, 1844-2004 гг. Санкт-Петербург, 2011.

* Отсутствует запись о статье «Направленность трансформации в романе “Игрок”» (Dostoevsky studies. 2004. № 8. Р. 130—139). Скорее всего, потому, что номер издания, вышедший в конце года, просто не успел дойти в Россию. Также в справочнике по вполне понятным причинам учтены не все газетные кино- и театральные рецензии Назирова, касающиеся Достоевского.

* ** Белов С.В. Ф.М. Достоевский и его окружение. Энциклопедический словарь. В 2 тт. СПб.: Алетей; Российская национальная библиотека, 2001.